

ХТОНЬ В ПАЛЬТО

ИРИНА ИВАНОВА

Young
Adult

МИОО

Ирина Иванова
ХТОНЬ В ПАЛЬТО

Серия «Red Violet. Больше чем магия»
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69574483

Хтонь в пальто / Ирина Иванова: Манн, Иванов и Фербер; Москва;

2023

ISBN 9785002142057

Аннотация

«Здравствуйте, агентство „Хтонь в пальто“ слушает. Желаете заказать хтонь?»

В любом городе среди людей живут хтонические существа. Они скрывают чудовищный облик под маской человеческого, общаются с мелкими духами, ловят когтями эмоции – и работают в агентстве «Хтонь в пальто». Хотите напугать друзей? Требуется няня для ершистого подростка? Не с кем выпить чаю? Вы обратились по адресу!

Когда девушка-бариста находит в кофейне визитку агентства, перед ней остро встает выбор, который преследовал ее всю жизнь: продолжать притворяться, что у мира есть только человеческая сторона, или наконец признать, что хтони существуют?

Для кого эта книга

Для тех, кому нужно срочно поднять себе настроение.

Для поклонников уютных и теплых историй.

Для тех, кто хочет прочитать книгу, от которой сложно оторваться.

Содержание

Плейлист	7
Nice to eat you	10
Спец по чаю	25
Новая жизнь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Иванова

ХТОНЬ В ПАЛЬТО

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Ирина Иванова, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Плейлист

Алиса – Моё поколение

Смысловые Галлюцинации – Мысленный волк

Год Змеи – Тук-тук

Кукрыниксы – Кайф

Василий К. – Алису с собой

Адриан и Александр – Песня о безумной Маше

Ежовы Рукавицы – Песня о пользе вязания

Немного Нервно – Восхождение

Тимур Валеев и группа Ключи – Запишу тишину

Дети Неонового Солнца – Колыбельная птичьих стран

Алиса – Шейк

Король и Шут – Продавец кошмаров

Стимфония – Звезда

Пикник – Глаза очерчены углем

David Garrett – Erlkönig

Сны Саламандры – У хозяина болота

Созвездие Отрезок – Гость

Агата Кристи – Красная Шапочка

Оргия Праведников – Туркестанский экспресс

Оргия Праведников – Убить свою мать

Кукрыниксы – Серебряный сентябрь

Пилот – Волк

Аквариум – Песня для нового быта

Зоя Ященко и Белая гвардия – Ночной дозор

Лестница Эшера – Ловкач

Гарри Бардин и детский ансамбль – Песня пауков и Бура-
тино (из к/ф «Приключения Буратино»)

Наша Таня – Намордник

Серафим и Михаил Сидоренко – Папа бы мной гордился

Amaranthe – Army of the night

Marilyn Manson – This is Halloween

Агата Кристи – Странное рождество

Ольга Арефьева и Ковчег – Орландина

Оргия Праведников – Ночь защиты

Мельница – Апельсиновая баллада

Аквариум – Сувлехим Такац

<https://music.yandex.ru/users/mifmetrika/playlists/1004>

*Посвящается Eilon Coffee, театру Fulcro
и темноте петербургских дворов*

Nice to eat you

– Здравствуйте, агентство «Хтонь в пальто» слушает.

– Здрасьте, можно хтонь заказать?

– Конечно. Вам аниматором на мероприятие, друзей разыграть, просто чаю выпить?

– Нет, мне... запугать кое-кого.

– Поняли, отправим самую жуткую хтонь. Продиктуйте, пожалуйста, адрес, и я назову окончательную стоимость заказа.

– А потом учитель сказал: «Вот практика». И отсек мне кисть. Кровища хлещет, я пытаюсь не орать – куда там вспомнить, что наполовину хтонь! А он глазами сверкает: «Заканчивай тупить! Хочешь без руки остаться?»

– Да ладно! И чего ты?

– Вспомнил и прирастил, сам не видишь? А учитель вздыхал: «Как с вами, полукровками, сложно!» И рука пару дней ныла; зато узнал, что могу и левой писать.

Лютый взъерошивает волосы, а в его вытаращенных глазах читается: «Вот это методы!» Вик знает: он чистокровный и про обучение полукровок слушает с особенной жадностью. Тем более про такого учителя как не послушать – и как не рассказать?

Раньше, правда, повода не находилось, так что Лютый узнал эту историю спустя целый год после знакомства. Но лучше уж поздно, чем никогда.

– Вик, есть заказ для тебя, – заглядывает в комнату Сана. – Напугать надо.

– Отлично, – ухмыляется Вик. – Давай адрес, они у меня поседеют от ужаса.

И, махнув Лютому, уходит за пальто.

Пугать людей – сплошное удовольствие: подцеплять когтями нервы, оскаливать острые зубы, заставлять вздрагивать при виде малейшей тени. Вик готов душу продать, чтобы все такие заказы доставались ему. Но продавать ничего не надо – других претендентов на точке нет: и Лютый, и Лия любят не хтоническую жуть, а куда более мирное времяпрепровождение. Хотя, казалось бы, оба чистокровные: уж кому, как не им, всякую жуть любить?

«Мне же лучше», – радуется Вик, спеша к метро.

Вовремя заказ попался, а то успел заскучать. Вот и разо-

мнется – к тому же хтоническую сторону дня три не выпускал.

До заказчика добираться недолго: три станции и десять минут пешком. Странно, что попросил встретиться, а не отправил сразу к тому, кого надо пугать: охота поездки туда-сюда оплачивать? Впрочем, желание покупателя – закон. Да и вдруг напугать надо именно его?

Вик в предвкушении облизывает зудящие десны: сейчас как выпустит зубы, как оскалится! В пограничное время, когда колесо года поворачивается к тьме, особенно сложно держать себя в руках. Повезло с работой, где этого делать не надо!

Третий подъезд, квартира тридцать три – удивительно, что в номере дома ни одной тройки. Вик звонит в домофон, представляется:

– Хтонь в пальто, – и, для пущей красоты подняв воротник этого самого пальто, заходит.

Этаж первый, и из квартиры уже выглядывает заказчик – улыбающийся парень лет двадцати – двадцати пяти, точно не старше Вика.

– Вы правда в пальто! А я думал, просто фраза красивая. –

Спохватившись, он кивает: – Здравсьте! – и выпускает в квартиру.

– У нас все в пальто ходят, – поддерживает разговор Вик, – форма такая. – И коротко оглядывается.

Квартира, кажется, однушка, но даже такие в центре стоят недешево. Хорошая у парня зарплата, если и на хтонь деньги нашлись: цены, конечно, не конские, но некоторых могут покусать. Или жильё не съёмное? Почему в порядок не привел: обои не подклеил, облупившуюся краску не поправил? На хтонь копил? Кого так важно напугать?

– Я Егор, – представляется заказчик. – Спасибо, что приехали.

С пару секунд он мечется взглядом по прихожей и смущенно уточняет:

– А вы можете не напугать... а сожрать?

Вик морщится, будто разом заныли все зубы. Впрочем, они правда заныли, но не от боли – от предвкушения: как давно никого не сжирал! И откуда Егор услышал про пожирание, через сарафанное радио? В официальном-то прайсе такой услуги нет.

Или думал, думал и решил, что тот, кого надо было напугать, заслуживает быть сожранным? Чтобы «ам!» – и осталась от Красной Шапочки только красная шапочка¹. Опасный парень!

Но заказ все равно придется отменить: ни одна хтонь

---

¹ Неточная цитата из пьесы Петра Зубарева «Самая Красная Шапочка».

не возьмется за постороннего. Только как бы повежливее сказать – и заодно недовольную рожу объяснить?..

– По-хорошему, – издалека заходит Вик, – о пожирании надо говорить сразу, во время звонка. Это совсем другая услуга, у нее цена выше; а еще у хтони должно быть разрешение: кто попало жрать не может.

– Я перезакажу, – перебивает Егор, вытаскивая из кармана телефон. – Извините тогда, что дернул; просто кое-что изменилось.

На кровожадного мстителя он не похож. Что же такое изменилось?..

– У меня есть разрешение, а цену можно пересчитать, – вздыхает Вик. – Но дело в том, что ни одна хтонь не будет жрать постороннего.

– А постороннего не надо. Сожрите, пожалуйста, меня.

Вик вздрагивает. Его?! Да он с ума сошел!

Не дожидаясь вопроса, Егор разводит руками:

– Депрессия. Уже... год? Два? Ничего не помогает. Я устал.

Пять лет назад у Вика тоже была депрессия. Таблетки худо-бедно держали на плаву, хтоническая сторона выла из-за необходимости молчать, а от мысли, что он понятия не имеет, как проявляться хтонью, хотелось шагнуть в окно.

Все наладилось, когда он наткнулся на вакансию от компании «Хтонь в пальто» и, посмеявшись, отправил резюме. На согласие не надеялся: где он – и где общение с людьми! –

но на собеседование пришел. А там хтоническая сторона, почуяв родную кровь, встрепенулась – и будто наконец перестала болеть мышца, нывшая много лет. Поэтому, когда предложили устроиться в агентство, Вик кивнул: «Я на все согласен».

На следующий день он написал заявление об уходе, отработал две недели и навсегда покинул офис строительной компании. Чем дальше, тем больше возвращалось красок, вкусов, запахов. После очередной консультации с психиатром Вик начал слезать с таблеток – и вскоре забросил в дальний угол аптечки то, что собирался пить до конца жизни.

Но Егор не хтонь, его так не спасти; правда, что ли, сожрать?.. Вик, почесав затылок, предлагает:

– Давай... Тьфу, мы не переходили на «ты». Давайте выпьем чаю и обсудим подробности?

– Я не против на «ты», – робко улыбается Егор. – Но вам разве можно чай? В смысле...

– Сжирать я буду хтонической сущностью, а не человеческой, – поясняет Вик. – У них... как бы это сказать... разные желудки, в общем.

Понятливо покивав, Егор указывает на вешалку:

– Можете снять пальто и ботинки. А я поставлю чайник.

Вик машинально возит ложкой в кружке. Добавить ли сахар? Чтобы сожрать, нужны силы, и крепкий сладкий чай будет кстати. Но готов ли окончательно превратиться в чудовище? Вдруг прошлые пожирания по кусочку отбирали человечность – и сегодня она исчезнет навсегда? Может, лучше отказаться? Пускай за дело возьмется кто-нибудь другой...

«Да ты уже чудовище, – ехидно шепчет внутренний голос. – Совершенно чудовищный эгоист, который сначала обнадежил, а теперь хочет оставить несчастного парня наедине с мыслями о смерти. Нет бы помочь!» «Да я бы с радостью! – огрызается Вик. – Но тут либо жрать, либо нет, от разговоров толку не будет. Я не психолог, не знаю нужных слов; еще сделаю хуже».

Хотя куда хуже? Почему не попробовать? А не удастся – сожрет; главное – не забыть написать Санне, чтобы пересчитала стоимость заказа. И, тяжело вздохнув, Вик кладет себе три ложки сахара.

Егор, по глоточку отпивающий чай, наконец нарушает молчание:

– Скажите, а... это больно?

Вик молча качает головой и, спохватившись, – собирался же завоевать доверие и отговорить! – поясняет:

– Я буду пожирать не тело, а энергетическую оболочку. Душу, если угодно. Это не больно.

– Лично проверяли? – усмехается Егор. И опускает

взгляд: – Извините, я...

– Ко мне тоже можно на «ты», – невпопад бормочет Вик и заливает в себя разом полкружки чая. Эх, почему не предложил сходить за чем-нибудь алкогольным?

«Да потому, что раскисать нельзя, бестолочь! Сильно ты в пьяном состоянии поможешь?»

Облизнув ноющие десны, Вик цепко, точно длинными когтями, ловит взгляд Егора.

– Итак, ты решил умереть. Почему не банальное самоубийство?

Егор улыбается:

– Зря, что ли, деньги всю жизнь копил? – И потирает переносицу: – На самом деле не хватает смелости. А если ты меня убьешь, смелость не нужна.

Кого еще просить об убийстве, как не хтонь в пальто! Нормальный киллер в разы дороже стоит.

– Смелости не хватает? – хмыкает Вик. – Значит, не так уж и хочется?

Ого, вот это у Егора молнии из глаз: слова подбирать надо!

– Нет-нет, я верю в твое желание умереть. Но если ты до сих пор здесь, значит, что-то держит? Есть в жизни что-то привлекательнее смерти?

Оценив шутку приподнятыми уголками губ, Егор дергает плечами:

– Ничего?.. Сам не понимаю, почему до сих пор не выпился. Видимо, жуткий трус.

Кружку он обхватывает совершенно зябким жестом – а Вик мысленно рычит. Так дело не пойдет! Чем помочь, если зацепиться не за что? Хоть у Гугла спрашивай: как оказать психологическую помощь, если слова никогда не были сильной стороной?

Самому помогало проветриться – но согласится ли Егор? «А я не буду спрашивать», – решает Вик. И отставляет пустую кружку.

– Слушай, такое дело: я сюда ехал, настроившись пугать. К пожиранию надо готовиться – и вот у моей хтонической стороны нет аппетита. Пойдем-ка его нагуливать.

Егор хмурится, и Вик показательно разводит руками: я же говорил, надо сразу предупреждать.

– Ладно, нагуливать – так нагуливать. Не знаю, хватит ли мне сил, но...

– Мы будем останавливаться так часто, как захочешь, – заверяет Вик. И украдкой прикусывает губу: зубы начинают обиженно ныть.

Из-под контроля хтоническая сторона не вырвется: грош цена была бы такой хтони! Но сдерживать ее так же неприятно, как терпеть желание сбегать в туалет.

Пограничное время – не запертое, но и не свободное.

Егору хватает минуты, чтобы сменить домашние штаны на обтрепанные джинсы, зашнуровать выдавшие виды кеды и накинуть грязную куртку.

– А потом ты обещаешь меня съесть?

– Если не передумаешь, обещаю, – кивает Вик, застегивая пальто.

Вот и всё, отступить некуда. Надо прыгнуть выше головы, вылезти из шкуры, но убедить Егора, что смерть – не выход. И, судя по скептическому взгляду, придется попотеть.

Он справится. Не может не справиться.

Потихоньку заостряются зубы. Может, сожрать даже такого неготового мальчика будет куда проще, чем кажется?

Улица встречает порывом холодного ветра. Вик поднимает воротник, прячась как за каменную стену, – а Егор только ежится. Какой выносливый! Или сил не хватает что-нибудь с холодом сделать?

– Куда пойдём?

– Чего ты у меня спрашиваешь? Я не знаю, где хтони аппетит нагуливают.

– А это неважно, главное – ходить. А тебе главное – отдыхать. Значит, веди туда, где можно будет то и дело присаживаться. – И, стараясь подбодрить, Вик оскаливает зубы: гляди, что тебя ждёт.

Неизвестно, внушает это Егору надежду или все-таки страх, но он, пожав плечами, погружается в темноту арки,

и его шаги отдаются гулким эхом. Остается идти следом, на ходу набирая сообщение Санне: «Заказчик просит со- зреть, пересчитай цену». Лишним не будет.

Не меньше десяти минут они молчат. Егор то поворачивает, то переходит дорогу, почти не смотря по сторонам, и сутулится так, что Вику хочется хлопнуть промеж лопаток ду- рацким окриком: «А ну спину выпрями!» Но еще больше хочется не дергать струну натянутой между ними тишины: есть в ней хрупкая красота. Будто корочка льда на луже после морозной ночи. Будто человеческая жизнь, которую так легко перекусить длинными и острыми зубами.

Вик трясет головой, жадно глотает ледяной воздух, успо- каивая десны и хтоническую сторону заодно: «Я знаю, ты хо- чешь помочь, но помолчи, подожди, я все-таки попробую...»

– Сюда я часто заходил после школы, – улыбается Егор. Поймав взгляд Вика, кивает на булочную через дорогу и про- должает: – Мама давала денег на обед, а я терпел все уроки, чтобы купить какао с сахарной плюшкой. А потом... потом я почему-то перестал ходить мимо булочной и больше ничего не покупал... – Он съеживается и обнимает себя за плечи.

Нет-нет-нет, только не это!

Вик касается его руки:

– Зайдем? Ты хотел отдыхать, вот и посидим.

– Какой смысл? – не поднимая головы, бормочет Егор. –

Я не буду таким счастливым, как в детстве.

«Укусить бы тебя хорошенько и всю депрессию вы-

грызть!» – едва не рычит Вик. Сдерживает растущие зубы и отрезает:

– Мы зайдем. Я нагулял человеческий аппетит и хочу сахарную плюшку.

Егор, впрочем, не сопротивляется. Вздыхает только:

– А если там нет этих плюшек?

– Возьму другую, – не сдается Вик. – Всё, идем. – И подталкивает его к булочной.

Как хорош мир, где депрессия растворяется после сахарной плюшки с какао и прогулки на свежем воздухе! Увы, не помогли ни булочная, ни парк, в котором Егор прогуливал ненавистную музыкалку, ни книжное кафе, где родители купили первую книгу для его библиотеки. Егор с улыбкой погружался в воспоминания – и мрачнел, едва речь заходила о настоящем. «Раньше было так хорошо, а теперь? Я забыл про книги и кафе, забыл, как любил шуршать листьями... Сейчас я – никуда не годная тряпка, остается только умереть».

Они сидят на детской площадке: Егор отдыхает на качелях, Вик кое-как удерживает равновесие посередине балансира. Сколько уже гуляют: час, два? Хтоническая сторона

давно нагуляла двойной аппетит, зубы вот-вот перестанут уместаться во рту – пора возвращаться? И делать то, что обещал. В конце концов, это тоже освобождение от депрессии, пускай и гораздо более жесткое.

Вик морщится: прощай, человеческая часть, здравствуй, полная чудовищность. Но есть ли другой выход?

– Пойдем домой? Я готов тебя сожрать.

Егор вскидывает голову – как горят глаза! – и обрадованно качается туда-обратно. А затем, зажмурившись, раскачивается сильнее, все шире и шире его улыбка... Неужели... Нет, наверняка воображает, как закончится противная жизнь.

Вик любуется этой хрупкой радостью: о, как она будет хрустеть на зубах! Хорошая последняя эмоция, мальчик все делает правильно.

Точно в ответ на мысли, Егор посмеивается, не открывая глаз:

– Я будто вошел в ту же реку. Качнулся – и вспомнил, как в детстве летал на качелях, прям ощущениями. И повторил? Каким-то чудом. Сам не знаю, как вышло.

Струны мира до того натягиваются, что у Вика звенит в ушах. Сглотнув, он тише, чем дыхание ветра, подсказывает:

– Значит, не все потеряно.

– Не все потеряно, – охотно соглашается Егор. Тут же распахивает глаза, хлопает ресницами; и Вик, подскочив к нему, ловит кончиками когтей хрупкую радость, не позволяя раз-

биться.

– Ты хочешь не умереть. Ты хочешь перестать жить так, как сейчас, но думаешь, что не можешь. Сам себя убеждаешь.

Почти не дыша, Вик опускает хрупкую радость в сложенные лодочкой ладони Егора – до чего красиво она переливается в закатных лучах!

– Ты сейчас вернулся в то «хорошо», которое было. Значит, это возможно.

– Это возможно, – эхом повторяет Егор. Мотает головой: – Но как? А если не хватит сил?

– А ты себя не подгоняй. – Вик кончиками когтей гладит его по спине. – И для начала напиши врачу и попроси другие таблетки.

– Н-но я... Это деньги, я разве достоин?

– Самоубийства достоин, а новых таблеток – нет? Возьми то, что собирался заплатить мне, и потрать на себя.

Егор даже с качелей спрыгивает.

– Нет, так нечестно! Деньги твои, ты их...

– Мы договаривались о пожирании, – перебивает Вик. – Я не выполнил условия – значит, денег не получаю. Точка.

Покусав губы, Егор нехотя кивает – и Вик, заметив наползающую на его лицо тень, подхватывает под руку.

– А теперь давай-ка провожу: прогулка наверняка кучу сил отобрала.

Егор опирается на подставленное плечо, и Вик, запомнив-

ший дорогу, уводит его домой.

Вот бы больше никогда не встретиться!

«Ты меня возненавидишь: я ничего не заработал».

Вик качается на качелях на той же площадке. Торчат изо рта клыки, пальцы кончаются когтями, хтоническая сторона густой тенью маячит за спиной. Никто сюда не сунется – и отлично, хочется побыть одному.

Пограничное время, вот и людей шатает, разносит на ку-сочки. Хорошо, что Егору не хватило смелости оборвать жизнь – а дальше пазл обстоятельств сложился как нельзя удачнее.

– И внутренняя тьма послужила свету, – подытоживает Вик. – До чего красиво!

И улыбается, когда хтоническая сторона впивается в забытый на горке обрывок восторга. Никто сегодня не уйдет обиженным.

Спец по чаю

– Здрасьте, «Хтонь в пальто» слушает.

– Здравствуйте, мне бы хтонь не помешала.

– А вам зачем? Напугать кого-нибудь, друзей удивить?

– Нет-нет, мне бы посидеть, чаю выпить. Никого из знакомых в городе нет, компании хочется, и вдруг мне вылезает ваша реклама... В общем, вот.

– Поняли, все сделаем в лучшем виде! Можно ваш адрес, пожалуйста?

Когда Лютый устраивался хтонью в пальто, он слабо представлял, чего люди хотят от хтони. Казалось: непременно ужасов. Показать острые зубы давнему должнику, чтобы он отдал деньги или, на худой конец, умер от сердечного приступа. Или постучать в окно другу заказчика – обязательно

ночью, чтобы он, живущий на девятом этаже, свалился с кровати; а заказчик наутро слушал эту историю и еле сдерживал смех.

Кто бы мог подумать, что люди не меньше хотят выпить с хтонью чаю и поговорить по душам!

Думал, на такие заказы ни за что не пойдет: он ужас и кошмар, а не светская дама! Но как-то раз пришлось: некому было ехать, – и неожиданно втянулся. Неожиданно ли? Хорошим слушателем был всегда, любил чужие истории; да и Вик говорил, как приятно пить чай, когда именно Лютый отвечает за атмосферу: язык сразу развязывается, и внутренние узлы распускаются.

Первое чаепитие, кстати, Лютый с ним и устроил: пригласил в офис заварочный чайник и любимую травяную смесь, наполнил кружки и для пущего эффекта укутал теплом и чувством безопасности. Тут-то Вик, прежде отстраненный и даже слегка высокомерный, расслабился и рассказал про метания между человеком и хтонью, про депрессию и желание шагнуть в окно и про то, как наткнулся на вакансию агентства и побежал устраиваться.

Странно, что не выложил сразу историю про отрезанную руку. Или такое – только для близких знакомых? А они на тот момент едва ли считались близкими: общались не больше пары месяцев.

Но главное – Вику понравилось расслабляться за кружкой чая.

И людям нравилось тоже: однажды попросили именно его прийти на чаепитие – знакомые порекомендовали. Тогда приятно горели щеки, а Вик смеялся: «Смотрю, ты нашел себя!» – ни капли, впрочем, не обидно. Тем более что, может, он и правда нашел. Может, его предназначение – пить чай так, чтобы у людей оставались исключительно теплые воспоминания.

Поэтому сегодня, услышав про чаепитие, Лютый тут же закрыл книгу и пошел за пальто. Ему, в конце концов, несложно, а человеку будет приятно. И чужая история добавится в копилочку: не просто же так человек приглашает на чай именно хтонь?

– Вы, наверное, думаете, почему я никого из друзей не позвал?

– Думаю, – кивает Лютый, оглядываясь на пороге у заказчика. – Обычно люди зовут людей; да и хтонь денег стоит.

Квартира самая обычная, много таких видел, и если сначала изучал каждую деталь, то теперь... Нет, взгляд все равно цепляется – за фотографию на тумбочке. Не у каждого в прихожей фотография стоит; интересно, почему именно здесь?

Заказчик – крепкий мужчина лет пятидесяти – запирает дверь, кивком указывает на вешалку и улыбается:

– Деньги для меня не проблема. А с людьми глупо вышло: сорвали из отпуска, завтра в срочную экспедицию. Брат с сестрой не могут, знакомых нет: кто не вернулся еще, кто снова уехал, у кого тоже командировка, – а я привык чаепитничать с кем-нибудь перед отъездом. И вдруг ваша реклама попалась. Ну и решил: с хтонюю чай никогда не пил, почему не попробовать?

Вот это смелость! Некоторые несколько месяцев не решаются позвонить, а здесь – так сразу.

Лютый надевает предложенные тапки и обещает:

– Я спец по чаепитиям, посидим что надо. Скажите, а рассыпной чай у вас есть?

За пятнадцать минут, пока греется вода и заваривается малиново-мятный чай, они успевают познакомиться и перейти на «ты». Заказчика зовут Владимиром, и реклама агентства попалась ему в одной из соцсетей – надо же, а когда в очередной раз запускали, уже не надеялись, что сработает. Сарафанное радио и разбросанные по городу визитки всегда приносили больше клиентов, чем какая бы то ни было реклама. Что ж, из каждого правила бывают исключения.

Когда Лютый разливает по кружкам чай, на какое-то время повисает молчание. С одной стороны, оба жуют печенье – не говорить же с набитым ртом? С другой – что за напряженная атмосфера, где дружеские разговоры, ради которых

и пригласили? Поэтому Лютый, мысленно раскинув на кухне шатер спокойствия и тепла, как бы невзначай напоминает:

– Ты говорил, что уезжаешь завтра. Что за экспедиция?

У Владимира загораются глаза, и Лютый улыбается: наконец-то. Людям нравится говорить о себе – а ему нравится слушать.

Следующий час пролетает так же стремительно, как тратятся деньги в день зарплаты. Владимир рассказывает о суровых лесных комарах, готовых сожрать до костей, об однажды заглянувшем в лагерь медведе, которого пришлось отпугивать грохотом кастрюль, о самой настоящей магии: в походе можно десять раз ноги промочить – и хоть бы хны, а в городе разок застудишь уши – и сразу шмыгаешь носом; и о прочих деталях геологических экспедиций. Лютый кончиком носа чувствует жар увлеченности и невольно отодвигается, чтобы не обжечься. Не каждому везет найти в жизни место, на котором будет настолько комфортно, а тут, глядите-ка, человеку улыбнулась удача. Впрочем, быть может, он с детства хорошо себя знал и никогда в решениях не сомневался; не то что некоторые...

На холодильнике висят фотографии: компания мужчин,

одетых по-походному, сидит у палатки в лесу; они же, но у реки, чему-то смеются; Владимир в официальном костюме держит грамоту и медаль... И вдруг – женщина в обнимку с девочкой лет десяти на фоне моря. Кажется, те же, что и на фото в прихожей.

Жена и дочка? Ну а кто еще?

– Но вот какая ерунда, – глотнув остывшего чая, вздыхает Владимир. – Я бесконечно люблю работу, а возраст все-таки берет свое: тяжело по экспедициям таскаться. Да и с семьей хочется быть, не срывать то и дело в срочные поездки. Вот сейчас, например, договорились вместе на море полететь, а мне через три дня пришлось вернуться. Соня... жена, в смысле, молчит, но по глазам вижу, как она недовольна.

– И что думаешь? – любопытствует Лютый. Предлагает тут же: – Еще чаю? – и, получив кивок, щелкает кнопкой чайника.

Отвечать Владимир не спешит, берет печенье, и Лютый всей хтонической стороной чувствует его колебания. Подталкивает не прикосновением – ощущением прикосновения: давай, расскажи, меня стесняться не надо.

– Хочу в офис попроситься: там тоже работы достаточно, да и предлагали однажды. Но не задохнусь ли в горе бумажек? Не сойду ли с ума в четырех стенах? Все-таки в лесу зелень, свежесть, я привык... И разрешат ли в поле вернуться, если пойму, что офис – не мое?

Помолчав, Владимир прибавляет шепотом:

– А еще... редко кто находит работу настолько по душе. Родители радовались, как у меня все удачно сложилось, я сам радовался. А теперь отказаться собираюсь. То есть не прям отказаться, но... Не будет ли это, ну, почти предательством? Не предам ли я того радостного себя?

Вот оно что.

Заварив по новой порции чая, Лютый заглядывает Владимиру в глаза:

– А не предашь ли ты нынешнего себя, если продолжишь в экспедиции мотаться? Сам говоришь, что тяжело и устал.

Качаются весы мучительного выбора: то манят густые леса и коварные комары, то просыпается боль в пояснице, а жена и дочка скучают на море. Вторая чаша вот-вот перевесит, всего пары камешков-аргументов не хватает.

– У всякого увлечения есть срок, – продолжает Лютый, – и, когда он истекает, глупо хлестать себя кнутом: «А ну получай такое же удовольствие, как раньше!» Признать, что нужно что-то другое, – это не предательство.

Владимир морщится, будто в чае попалась совершенно неспелая малина, хуже красной смородины. Но, помявшись, бормочет:

– Мне ведь и офисная работа нравится: бумажек много, но и своих исследований достаточно. А захочется лесной романтики, так возьму жену и дочку, съездим на природу...

– Вот именно! – с нажимом кивает Лютый. И вторая чаша весов уверенно опускается.

Владимир, поведя плечами, сбрасывает каменную тревогу – легко, точно шелковый платок.

– Вернусь из экспедиции – и пойду говорить с начальством. Выбью себе испытательный срок и буду смотреть на практике, что да как.

А на место тревоги уже пробирается осторожное любопытство, и Лютый улыбается уголком губ, зная, что сейчас будет.

– Слушай, а ты всегда выглядишь человеком или?..

– Хочешь на хтонический облик посмотреть?

Владимир кивает: еще бы, не каждый день встречаешь хтонь, как такую возможность упустить? Лютый с удовольствием человека, засидевшегося в одной позе, выпускает хтоническую сторону. Не превращается, как киношный оборотень, – скорее переворачивает игральную карту. Для наблюдателя, правда, это всё равно похоже на превращение: сквозь расплывающийся образ парня проступает чудовище – покрытое серебристо-синей шерстью, ростом чуть ниже потолка, когтистые руки спускаются до колен, вместо лица – нечто среднее между волчьей и крокодильей мордой. Сам бы не придумал облика удачнее – хорошо, что таким родился.

Лютый оскаливается:

– Ну как?

– Н-неплохо, – Владимир, сглотнув, показывает большой палец. – Понятно, каких чудовищ мы должны встречать в глубинах тайги.

И они оба смеются.

С длинной мордой чая не попьешь, поэтому Лютый возвращает человеческий облик. Настает его очередь рассказать о себе – по просьбе Владимира, конечно; и он делится, как рос в кругу хтоней-детей, как играл с ними в хтонические игры: то чувства угадывал, то порезы на скорость заживлял, то ползал по деревьям, цепляясь когтистыми лапами. И как знал, что будущую жизнь непременно свяжет с чем-нибудь подходящим хтони. Родители, правда, ждали чего-то серьезного, но приняли желание работать хтонью в пальто: «Главное – чтобы тебе нравилось».

– А людей вы едите? Мало ли, вдруг звонят и просят кого-нибудь съесть...

Лютый улыбается как можно обаятельнее:

– Ничего сказать не могу: секрет фирмы. Но сам предпочитаю никого не трогать: я мирная хтонь, почти домашняя.

– С таким-то ростом и такими зубами?

– Не суди книгу по обложке! Зря я, что ли, спец по чаепитиям, а не по отрыванию головы?

На прощание Владимир, спросив разрешения, обнимает.

– Ты правда спец: очень мне помог. Спасибо, что пришел.

– Как я мог не прийти на заказ? – удивляется Лютый.

А Владимир качает головой:

– Нет, спасибо, что пришел именно ты.

Лютый только пожимает плечами: что тут скажешь, так сложились звезды – и, попрощавшись, выходит из квартиры. Интересно, если ему надоест быть хтонью в пальто, хватит ли смелости уйти на другую работу – или понадобится тоже с кем-нибудь выпить чаю?

Новая жизнь

Это, конечно, безумие.

«Так работу не ищут, на что ты надеешься?»

Лена открывает дверь кофейни, подходит к стойке и улыбается:

– Здравствуйте! Вам бариста не нужен?

И мысленно дает себе пять, когда девочка в фартуке, округлив глаза, радостно кивает.

В родном городе Лену устраивало все: живущие через улицу родители, парк в пяти минутах, куда она ходила с таксой Корицей, субботние настолки в антикафе с друзьями. Кроме отсутствия работы.

Никому не требовался бариста – или требовался, но со сменами по пятнадцать часов за зарплату чуть выше мини-

малки. Лена, куда деваться, пробовала – но проще было сразу повеситься, чем такой работой в гроб себя загонять.

Родители напоминали о дипломе инженера-электрика, кидая вакансии, где обещали немаленькие деньги. Но Лену тошнило от одной только мысли, что придется иметь дело с электрооборудованием: на учебе хватило сполна. Она раздавала рекламки, курьером бегала по адресам, звала на бесплатную дегустацию сыра и колбасы – но все было не то. Хотелось принимать заказы, варить кофе, рисовать латте-арт – и мечтать, что однажды получится это делать в собственной кофейне.

Поэтому, когда Яна предложила махнуть в ближайший миллионник, Лена согласилась, почти не раздумывая. От страха внутренности сжимались в комок, но провести всю жизнь в одном городе, работая где попало, казалось куда более страшным; к тому же родители сказали, что помогут с квартирой, если придется вернуться. А вдруг в городе, который Лена полюбила еще в детстве, все получится?

Больше всего людей приходит в кофейню с восьми до девяти утра и днем, около часа. В остальное время поток слабый, сиди да отдыхай, если других дел нет. Лена протирает

столики, поправляет на пробковой доске открытки, подписанные гостями из других городов и стран (до чего замечательная идея!), и перебивает посуду.

Она работает всего неделю, но чувствует кофейню насквозь своей – а значит, и ответственность несет как за свою. Не столько материальную, сколько... атмосферную?.. Чтобы гости с любопытством разглядывали открытки и гирлянды, задерживались на полчаса вместо десяти минут, отправляли знакомым фото, советуя непременно зайти, и сами раз за разом возвращались.

Обстановка, к счастью, располагает: широкие подоконники с разноцветными подушками и пледами, стеллажи, полные книг, искусственный плющ на стенах. И все это – в деревянно-зеленых тонах, уютнее не придумаешь. А дарить тепло словами и улыбкой Лена давно умеет, иначе бы не задерживалась в кофейнях. Что еще нужно?

Квартиру им сдали знакомые Яны, раза в два дешевле, чем в среднем по рынку. Лена чуть не приплясывала от радости: двушка в десяти минутах от метро, о таком только мечтать можно! – и до трясущихся рук боялась не справиться.

Вдруг не возьмут бариста? Вдруг придется вернуться –

и снова то по городу бегать, то срывать голос, зазывая в никому не нужный магазин? Она листала вакансии еще до переезда – но кто сказал, что им подойдет не особенно опытная девочка из маленького северного города?

На следующий день Лена отправилась в центр, заглянула в первую попавшуюся кофейню – и поиски работы завершились, не успев толком начаться. Вот повезло!

Ровно в шесть над дверью звенит колокольчик – в кофейню заходит девушка в длинном сером пальто. Долго изучает меню, а когда поворачивается к кассе, Лена едва не теряет дар речи. Макияж у нее совершенно космический: блестящие фиолетовые тени, желтые звездочки в уголках глаз и темно-синяя помада. На контрасте со светлыми, почти белыми волосами это особенно впечатляет.

– Здравствуйте, – улыбается девушка. – Мне средний раф с мятой и апельсином, пожалуйста.

Лена принимает заказ, заносит в программу номер телефона (заодно выясняя имя: Лия), проводит оплату и, отвернувшись к кофетачке, трясет головой. Нельзя беззастенчиво пялиться на гостей, какими бы прекрасными они ни были! Изловчиться бы и сделать фото: попросить смелости не хва-

тит. Совершеннейшая ведьма, Яне понравится.

Лия занимает столик у окна, фотографирует гирлянду, обвивающую плющ, и утыкается в телефон. Если она выложит фото и отметит кофейню, можно будет найти ее профиль: вдруг там есть селфи с космическим макияжем? И не надо придумывать, как украдкой заснять.

Лена тянется сполоснуть питчер – и тут же, вздрогнув, оборачивается. Какая странная игра теней: почудилось, будто у Лии вместо лица оскаленная пасть. Неужели?..

Поймав ее взгляд, Лия улыбается.

Навыки бариста не забылись за несколько лет безделья, так что Лена с радостью продемонстрировала их на практике, а теорию пообещала выучить за одну ночь. Сказала, что готова выходить хоть завтра, и ее позвали вначале на семь часов, а затем, если решит остаться, на полную смену.

От метро до квартиры она шла без кед: щекочущая радость переполняла до макушки. Хотелось поделиться с городом – напрямую, почти интимно, через босые ступни. Город в ответ согревал не по-осеннему теплым асфальтом и зажигал зеленый на всех попадавшихся светофорах.

Яна встретила новость о работе аплодисментами: «Ты крутая, быстро нашла! А я не знаю, куда податься; хорошо, что деньги пока есть». Лена, обнимая лижущую лицо Корицу, пожала плечами: ей повезло. Наверное, город захотел, чтобы она осталась.

Пасть Лене больше не чудится. Впрочем, она и не смотрит на Лию краем глаза – только прямо, чтобы точно ничего не померещилось. А Лия пьет кофе и переписывается с кем-то в телефоне; не кидается на других гостей и даже не ухмыляется зловеще. В общем, ничем не отличается от людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.